

У. Бион

Теория мышления

Перевод с английского Михаила Козлова 2024

Перевод выполнен по изданию
The Complete Works of W. R. Bion, Karnac Books 2014, Vol.VI p 153 – 161

В этой статье я в первую очередь стремлюсь представить теоретическую систему. Ее сходство с философской теорией следует из того факта, что философы занимались тем же самым предметом. Отличается она от философской теории тем что, как и все психоаналитические теории, предназначена для практического использования. Она разработана с намерением, чтобы практикующие психоаналитики переформулировали гипотезы, из которых она составлена, в терминах эмпирически проверяемых данных.

В этом она имеет такое же отношение к аналогичным положениям философии, какое отношение положения прикладной математики имеют к чистой математике.

Производные гипотезы, которые должны допускать эмпирическую проверку, и, в меньшей степени, сама теоретическая система имеют такое же отношение к наблюдаемым в психоанализе фактам, как утверждения прикладной математики, скажем, о математическом круге, имеют отношение к утверждению о круге, нарисованном на бумаге.

Предполагается, что эта теоретическая система применима в значительном числе случаев, поэтому психоаналитики должны испытывать осознания, которые приближаются к Теории.

Я не придаю этой теории диагностического значения, хотя думаю, что она может быть применима всякий раз, когда предполагается существование расстройства мышления. Ее диагностическая значимость будет зависеть от модели, сформированной в результате постоянного сочетания ряда теорий, одной из которых может быть данная.

Возможно, если я рассмотрю предысторию эмоционального опыта, из которого она была выведена, это поможет объяснить Теорию: я сделаю это в общих чертах, не претендуя на научную строгость.

Удобно считать, что мышление зависит от успешного развития двух основных психических формирований. Первое — это развитие мыслей. Для того чтобы с ними справиться, требуется аппарат. Следовательно, второе — это развитие того аппарата, который я временно назову мышлением. Повторяю — мышление должно быть вызвано к существованию, чтобы справляться с мыслями.

Следует отметить, что это отличается от любой теории мысли как продукта мышления, поскольку мышление является формированием, навязанным психике давлением мыслей, а не наоборот. Психопатологические формирования могут быть связаны с любой из фаз или с обеими: с нарушением развития мыслей или с нарушением развития аппарата «мышления» т.е. обращения с мыслями, или с тем и другим.

«Мысли» можно классифицировать, в соответствии с природой их истории развития, как **предварительные представления**¹ (или прекоцепции), **представления** (концепции) или мысли и, наконец, **понятия**² (концепты). Понятия имеют названия и, следовательно, являются фиксированными представлениями или мыслями. Прекоцепцию (предварительное представление) можно рассматривать как психоаналитический аналог кантовского понятия “пустых мыслей”. Иными словами, прекоцепция (врожденное ожидание груди, априорное знание о груди, “пустая мысль”), когда младенец соприкасается с самой грудью, сопряжена с осведомленностью об осознании и синхронизируется с развитием представления. Эта модель послужит основой для теории, согласно которой каждое соединение предварительного представления с его осознанием порождает представление. Поэтому ожидается, что представления будут постоянно связаны с эмоциональным опытом удовлетворения.

Я ограничу термин «мысль» как сочетание предварительного представления и фрустрации. Модель, которую я предлагаю, — это модель младенца, чье ожидание груди сочетается с осознанием отсутствия груди, доступной для удовлетворения. Это сочетание переживается как отсутствие груди или «отсутствующая» грудь внутри. Следующий шаг зависит от способности младенца к фрустрации: в частности от того, принимается ли решение избегать фрустрации или **модифицировать** ее.

Если способность переносить фрустрацию достаточна, «отсутствие груди» внутри становится мыслью, и аппарат для «думания об этом» претерпевает развитие. Это запускает состояние, описанное Фрейдом в его «Двух принципах психического функционирования» (1911b)³, в котором доминирование принципа реальности синхронно с развитием способности мыслить и, таким образом, преодолевать пропасть фрустрации между моментом, когда ощущается потребность, и моментом, когда действие, соответствующее удовлетворению потребности, достигает кульминации в ее удовлетворении. Способность переносить фрустрацию, таким образом, позволяет психике развивать мышление как средство, с помощью которого терпимая фрустрация сама по себе становится более терпимой.

Если способность переносить фрустрацию недостаточна, то плохое внутреннее «отсутствие груди», которое зрелая личность в конечном счете распознает как мысль, ставит психику перед необходимостью выбора между избеганием фрустрации или ее модификацией.

Неспособность выносить фрустрацию склоняет чашу весов в сторону уклонения от фрустрации. Результатом является существенное отклонение от событий, которые Фрейд описывает как характерные для мышления в фазе доминирования принципа реальности. То, что должно быть мыслью, продуктом сопоставления прекоцепции и отрицательного осознания, становится плохим объектом, неотличимым от вещи-в-себе, пригодным только для удаления. В результате нарушается развитие аппарата мышления, а вместо него

1 Бион использует три термина: “pre-conception”, “conception” и “concept”, которые в данном переводе будут переведены как:

- “pre-conception” = «предварительное представление» или, для краткости, «прекоцепция»
- “conception” = «представление» или «мысль»
- “concept” = «понятие» — прим.перев.

2 Курсив переводчика

3 В переводе А. М. Боковикова «Положение о двух принципах психического события» — прим.перев.

происходит гипертрофическое развитие аппарата проективной идентификации. Модель, которую я предлагаю для этого [пути] развития, — это психика, которая работает по принципу, что избавление от плохой груди синонимично получению пищи из груди хорошей. Конечный результат заключается в том, что все мысли рассматриваются так, как если бы они были неотличимы от плохих внутренних объектов. Соответствующий механизм ощущается не как аппарат для обдумывания мыслей, а как аппарат для избавления психики от накоплений плохих внутренних объектов. Суть заключается в решении: избежать фрустрации или модифицировать ее.

Математические элементы, а именно прямые линии, точки, окружности и что-то соответствующее тому, что позже станет известно под названиями чисел, происходят из осознаний двойственности, как в груди и ребенке, двух глазах, двух ногах и так далее.

Если нетерпимость к фрустрации не слишком велика, то изменение становится руководящей целью. Развитие математических элементов, или математических объектов, как их называет Аристотель, аналогично развитию представлений.

Если преобладает нетерпимость к фрустрации, предпринимаются шаги, чтобы избежать восприятия осознания с помощью разрушительных атак. Поскольку преконцепция и осознание сопряжены, математические представления формируются, но они рассматриваются как неотличимые от вещей-в-себе и удаляются с высокой скоростью как ракеты, чтобы уничтожить пространство. Поскольку пространство и время воспринимаются как тождественные плохому объекту, который разрушается, то есть «отсутствию груди», осознание, которое должно быть соединено с предварительным представлением, недоступно для выполнения условий, необходимых для формирования представления. Доминирование проективной идентификации нарушает различие между собой и внешним объектом. Это способствует отсутствию какого-либо восприятия двойственности, поскольку такая осведомленность зависит от признания различия между субъектом и объектом.

Связь со временем наглядно продемонстрировал мне пациент, который снова и снова говорил, что он тратит время впустую, и продолжал его тратить. Цель пациента — разрушить время, тратя его впустую. Последствия этого проиллюстрированы в описании чаепития Безумного Шляпника в «Приключениях Алисы в Стране чудес» — там всегда четыре часа.

Неспособность переносить фрустрацию может препятствовать развитию мышления и способности мыслить, хотя способность мыслить уменьшила бы чувство фрустрации, присущее признанию разрыва между желанием и его исполнением. Представления, то есть результат соединения преконцепции и ее осознания, повторяют историю преконцепции в более сложной форме. Представление не обязательно встречает осознание, достаточно близкое, чтобы быть удовлетворительным. Если фрустрация может быть выдержана, соединение концепции и реализации, будь то негативной или позитивной, запускает процедуры, необходимые для обучения на опыте. Если непереносимость фрустрации не настолько велика, чтобы активировать механизмы уклонения, и все же слишком велика, чтобы вынести доминирование принципа реальности, личность развивает всемогущество как замену соединения преконцепции или представления с отрицательным осознанием. Это предполагает допущение всеведения в качестве замены обучения на опыте с помощью

мыслей и мышления. Следовательно, не существует психической деятельности, позволяющей различать истину и ложь. Всеведение заменяет различие между истиной и ложью диктаторским утверждением, что одна вещь является морально правильной, а другая — неправильной. Допущение всеведения, отрицающее реальность, гарантирует, что порожденная таким образом мораль является функцией психоза. Различение истины и лжности является функцией непсихотической части личности и ее факторов. Таким образом, потенциально существует конфликт между утверждением истины и утверждением морального господства: экстремизм одного заражает другого.

Некоторые предварительные представления связаны с ожиданиями касательно себя. Аппарат прекоцепций адекватен представлениям, которые попадают в узкий диапазон обстоятельств, подходящих для выживания младенца. Одним из обстоятельств, влияющих на выживание, является личность самого младенца. Обычно личность младенца, как и другие элементы в окружающей среде, управляется матерью. Если мать и ребенок приспособлены друг к другу, то проективная идентификация играет определенную роль в управлении с помощью зачаточного и хрупкого чувства реальности. Обычно это всемогущая фантазия, которая работает реалистично. Я склонен полагать, что это ее [проективной идентификации] нормальное состояние. Когда Мелани Кляйн (1946, с. 102) говорит о “чрезмерной проективной идентификации”, я думаю, что термин “чрезмерная” следует понимать как относящийся не только к частоте использования проективной идентификации, но и к чрезмерной вере во всемогущество. В реальности, это проявляется как поведение, разумно рассчитанное на то, чтобы пробудить в матери чувства, от которых младенец хочет избавиться: если младенец чувствует, что умирает, это может вызвать у матери опасения, что он умирает. Уравновешенная мать может принять их и отреагировать терапевтически: то есть таким образом, что младенец чувствует, что он снова получает свою испуганную личность, но в форме, которую он может вынести – страхи поддаются управлению со стороны младенческой личности. Если мать не может переносить эти проекции, младенец вынужден продолжать проективную идентификацию с возрастающей силой и частотой. Возросшая сила, похоже, обнажает полускрытый смысл проекции. Реинтросекция осуществляется с такой же силой и частотой. Если вывести чувства пациента из его поведения в кабинете и использовать выводы для построения модели, то младенец моей модели ведет себя не так, как я обычно ожидаю от думающего взрослого: он ведет себя так, как будто чувствует, что возник внутренний объект с характеристиками жадной вагинальной «груди», лишаящий ее доброты всего, что ребенок получает или дает, оставляя только выродившиеся объекты. Этот внутренний объект лишает своего хозяина всего доступного понимания. В анализе такой пациент кажется неспособным получить пользу от своего окружения и, следовательно, от его аналитика. Последствия для развития способности мыслить серьезны. Я опишу только одно, а именно преждевременное развитие сознания. (Под сознанием я подразумеваю в этом контексте то, что Фрейд описал как «орган чувств для восприятия психических качеств»)⁴.

Я уже описывал ранее (на Научном собрании Британского психоаналитического общества) использование концепции альфа-функции как рабочего инструмента в анализе нарушений

4 “Но какую роль в нашей схеме осталось играть сознанию, которое когда-то было столь всемогущим и скрывало все остальное от глаз? Только роль органа чувств для восприятия психических качеств.” (Фрейд «Толкование сновидений» Freud, 1900a)

мышления. Казалось удобным предположить, что альфа-функция преобразует чувственные данные в альфа-элементы и, таким образом, обеспечивает психику материалом для мыслей сновидения и, следовательно, способностью просыпаться или засыпать, быть сознательным или бессознательным. Согласно этой теории, сознание зависит от альфа-функции, и логически необходимо предположить, что такая функция существует, если мы хотим предположить, что «я»⁵ [или самоосознание] способно осознавать себя в смысле познания себя на основе опыта самого себя. Однако неспособность установить между младенцем и матерью отношения, в которых возможна нормальная проективная идентификация, исключает развитие альфа-функции и, следовательно, дифференциацию элементов на сознательные и бессознательные.

Трудность избегается путем ограничения термина «сознание» до значения, придаваемого ему определением Фрейда. Используя термин в этом ограниченном смысле, можно предположить, что это сознание производит «чувственные данные» о себе, но не существует альфа-функции, преобразующей их в альфа-элементы и, следовательно, допускающей способность осознавать или не осознавать себя. Личность младенца сама по себе неспособна использовать чувственные данные, но вынуждена эвакуировать эти элементы в мать, полагаясь на то, что она сделает все возможное, чтобы преобразовать их в форму, пригодную для использования младенцем в качестве альфа-элементов.

Ограниченное сознание, определенное Фрейдом (которое я использую для определения рудиментарного детского сознания), не связано с бессознательным. Все впечатления от себя имеют одинаковую ценность, все они сознательны. Способность матери к **блужданию мысли**⁶ является воспринимающим органом для сбора урожая самоощущений младенца, накопленного его сознанием.

Зачаточное сознательное не могло бы выполнять задачи, которые мы обычно считаем областью сознания, и было бы ошибочно пытаться изъять термин «сознание» из сферы обычного использования, где он применяется к психическим функциям, имеющим большое значение в рациональном мышлении. На данный момент я провожу различие только для того, чтобы показать, что произойдет, если будет разрыв взаимодействия посредством проективной идентификации между зачаточным сознательным и материнским блужданием мысли.

Нормальное развитие происходит, если отношения между младенцем и грудью позволяют младенцу проецировать чувство, что он умирает, в мать и реинтроецировать его после того, как его пребывание в груди сделало его терпимым для детской психики. Если проекция не принимается матерью, младенец ощущает, что его чувство, что он умирает, лишено того смысла, который оно имело. Поэтому он реинтроецирует не страх смерти, ставший терпимым, а безымянный ужас.

Задачи, которые из-за нарушения способности матери к блужданию мысли остались незавершенными, накладываются на зачаточное сознание. Все они в разной степени связаны с функцией взаимозависимости.

5 Здесь явно не имеется в виду инстанция «Я» из второй топической модели Фрейда. — прим.перев.

6 Здесь Бион вводит понятие "reverie", которое может переводиться как «мечтательность», «задумчивость», «грёза», «состояние погруженности в мысли», «блуждание мысли». — прим.перев.

Зачаточное сознание не может нести возложенную на него ношу. Становление внутри себя проективно-идентифицирующе-отвергающего объекта означает, что вместо понимающего объекта у младенца есть намеренно непонимающий объект – с которым он идентифицируется. Кроме того, его психические качества воспринимаются ранним и хрупким сознанием.

Аппарат, доступный психике, можно рассматривать как четырехкомпонентный:

1. **Мышление**, связанное с модификацией и уклонением [от фрустрации]
2. **Проективная идентификация**, связанная с уклонением путем эвакуации, и ее не следует путать с нормальной проективной идентификацией
3. **Всеведение** (по принципу «все знаю, все осуждаю»)
4. **Коммуникация/общение**

Изучение аппарата, который я перечислил в этих четырех разделах, показывает, что он предназначен для работы с мыслями в широком смысле этого понятия. То есть, включая все объекты, которые я описал как представления, мысли, мысли-сновидения, альфа-элементы и бета-элементы, как если бы они были объектами, с которыми нужно было иметь дело

- (a) потому что они в какой-то форме содержали или выражали проблему, и
- (b) потому что они сами по себе ощущались как нежелательные новообразования психики и требовали внимания — устранения тем или иным способом — по этой причине.

Очевидно, что как выражения проблемы они требуют аппарата, предназначенного для выполнения той же роли в преодолении разрыва между осознанием и оценкой нехватки, а также действия, предназначенного для изменения нехватки, которую играет альфа-функция в преодолении разрыва между чувственными данными и оценкой чувственных данных. (В этом контексте я включаю восприятие психических качеств как требующее того же обращения, что и чувственные данные.) Другими словами, так же, как чувственные данные должны быть изменены и обработаны альфа-функцией, чтобы сделать их доступными для мыслей во сне и т. д., так и мысли должны быть обработаны, чтобы сделать их доступными для перевода в действие.

Воплощение в жизнь требует оглашения, общения и здравого смысла. До сих пор я избегал обсуждения этих аспектов мышления, хотя они подразумеваются в обсуждении, и один, по крайней мере, был открыто намечен, я имею в виду взаимосвязь.

Оглашение в своем происхождении может рассматриваться как нечто большее, чем одна из функций мыслей, а именно предоставление чувственных данных сознанию. Я хотел бы зарезервировать этот термин для операций, которые необходимы для того, чтобы сделать частную осведомленность (то есть осведомленность, которая является частной для индивида) публичной. Связанные с этим проблемы можно рассматривать как технические и эмоциональные. Эмоциональные проблемы связаны с тем фактом, что человек является политическим животным и не может найти удовлетворения вне группы и не может удовлетворить ни одно эмоциональное влечение без выражения его социального компонента. Его импульсы, и я имею в виду все импульсы, а не только его сексуальные, в то же время нарциссические. Проблема заключается в разрешении конфликта между нарциссизмом и

социальностью. Техническая проблема касается выражения мысли или представления в языке или ее аналога в знаках.

Это подводит меня к общению. В своем происхождении общение осуществляется посредством реалистичной проективной идентификации. Примитивная младенческая процедура претерпевает различные превратности, включая, как мы видели, снижение ценности посредством преобладания бессознательной фантазии всемогущества. Если отношения с грудью хорошие, она может развиться в способность терпимо относиться к своим собственным психическим качествам и таким образом проложить путь к альфа-функции и нормальному мышлению. Но она также развивается как часть социальной способности индивида. Это развитие, имеющее огромное значение в групповой динамике, фактически не получило никакого внимания, его отсутствие сделало бы даже научную коммуникацию невозможной. Однако его присутствие может вызывать чувства преследования у участников общения. Необходимость уменьшить чувство преследования способствует движению к абстракции при формулировании научных коммуникаций. Функция элементов коммуникации, слов и знаков, заключается в том, чтобы передавать либо с помощью отдельных существительных, либо в словесных группах, что определенные явления постоянно связаны в модели их взаимосвязанности.

Важной функцией коммуникации является достижение взаимосвязи. Хотя общение все еще является частной функцией, представления, мысли и их вербализация необходимы для облегчения соединения одного набора чувственных данных с другим. Если соединенные данные гармонизируются, возникает чувство истины, и желательно, чтобы это чувство было выражено в утверждении, аналогичном истинно-функциональному утверждению. Неспособность осуществить это соединение чувственных данных, а следовательно, и здравого смысла, вызывает у пациента состояние психической слабости, как если бы голодание по истине было каким-то образом аналогично пищевому голоданию. Истинность утверждения не подразумевает, что существует осознание, приближающееся к истинному утверждению.

Теперь мы можем рассмотреть далее связь зачаточного сознания с психическим качеством. Эмоции выполняют для психики функцию, подобную функции чувств по отношению к объектам в пространстве и времени. То есть, аналогом здравого смысла в частном знании является общее эмоциональное представление. Чувство истины переживается, если представление объекта, который ненавидят, может быть соединено с представлением того же объекта, когда его любят, и соединение подтверждает, что объект, переживаемый различными эмоциями, является одним и тем же объектом. Устанавливается взаимосвязь.

Подобная взаимосвязь, ставшая возможной благодаря влиянию сознания и бессознательного на явления аналитического кабинета, придает психоаналитическим объектам реальность, которая совершенно несомненна, даже несмотря на то, что само существование этих объектов подвергается сомнению.